

А.А. Корольков

УРОКИ В.В. РОЗАНОВА В ПОИСКАХ РЕЛИГИОЗНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция России неоднозначна в своем отношении к христианству — это ярко проявилось в жизненных и творческих противоречиях выдающегося мыслителя и писателя рубежа XIX–XX столетий, Василия Васильевича Розанова. Такие противоречия глубоко исследованы в фундаментальном труде В.А. Фатеева «Жизнеописание Василия Розанова», опубликованном в издательстве «Пушкинский Дом» (СПб, 2013). Автор статьи видит достоинства книги Фатеева не только в уникальном внимании к деталям биографии Розанова, но и в раскрытии духовного климата эпохи. Уроки Розанова поучительны для современной интеллигенции, поскольку его ошибки, заблуждения воспроизводятся и в наше время.

Ключевые слова: В.В. Розанов, интеллигенция, христианство, православие, монархия, консерватизм, безбожие, мещанство, бюрократия, эстетизм, монашество, К.Н. Леонтьев, П.А. Флоренский.

В.В. Розанов написал неправдоподобно много. Даже сегодня, в начале века XXI, когда в помощь пишущим даны компьютеры, вряд ли кто-то сможет состязаться с Розановым в количестве, а вместе с тем в качестве написанного. «Когда я не ем и не сплю — я пишу», — приводил в «Дневнике» слова Розанова К. Чуковский. На стеллажах книжных магазинов появляются все новые и новые тома сочинений мыслителя, будто архив его бездонен. Возвращаются его труды, «в период крутого перелома в наших взглядах на прошлое, чтобы еще раз поразить нас своими произведениями»¹.

Приходится удивляться, как удалось В.А. Фатееву в одном, хотя и обширном, тысячестраничном, томе исследовать самые потаенные закоулки творческой жизни Розанова и выразить это без академической сухости, но и без упрощения, ярко и глубоко. Хотя издание Сочинений В.В. Розанова под редакцией А.Н. Николюкина создает впечатление неисчерпаемости этих сочинений, невозможности их обозреть, В.А. Фатеев все же сумел упорядочить, казалось бы, неупорядочиваемое.

Автор нашел очень точное слово для названия книги — «Жизнеописание Василия Розанова». Житие — это повествование о духовном пути подвижника,

Александр Аркадьевич Корольков — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой философской антропологии и истории философии РГПУ им. А.И. Герцена (a-korolkov@mail.ru).

¹Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013. С. 1015.

для мирянина же, да еще раздираемого духовными и душевными противоречиями, о житии говорить не приходится. Жизнеописание вбирает в себя не столько вехи личной биографии, сколько путь личностного, творческого становления выдающегося мыслителя, писателя, погруженного в события, умонастроения, религиозные искания тех мятежных лет России, которые для многих, в том числе для Розанова, стали окаянными днями.

Писать о Розанове чрезвычайно сложно. Широко распространенные в историко-философских трудах рационалистические подходы оказываются неуместны: Розанов противостоял рационализму и проблематикой, и стилистикой, и методологией. Он обладал той культурой мышления, вникнуть в которую способен только ученый, глубоко чувствующий и понимающий специфику русского философствования. В русской философии теснейшим образом соединены размышления с литературно-художественным творчеством, с религиозными прозрениями. Не случайно, Е.Н. Трубецкой характеризовал икону как умозрение в красках, то есть философствование в красках, указав на возможность постижения высших истин бытия не только понятийно, вербально. И даже в словесной форме, не столько трактаты, сколько романы, повести, публицистика, стали фактами русского способа философствования.

В.А. Фатеев обратился к творчеству едва ли не самого сложного явления в истории не только отечественной, но и мировой мысли, где есть и попытка «разом разрушить всю европейскую науку», «определить конечную форму науки» («О понимании»), и гениальное прочтение чужих текстов («Легенда о Великом Инквизиторе»), и философская публицистика, критика, и непрерывное наблюдение мгновений жизни, творчества, быта, душевных терзаний. Фатеев по образованию филолог, выпускник Московского университета, это дало ему преимущества в постижении такого универсального мыслителя, каким был В.В. Розанов — наблюдательным, ярким стилистом, «художником мысли», если воспользоваться словами, сказанными о К.Н. Леонтьеве.

Замечательным достоинством книги Фатеева стала ее очерковая структура, большой объем книги не подавляет читателя. Внешне книга выстроена как движение по ступеням биографии — детство, Московский университет, женитьба, период учительства и т.д. Действительно, кто-то может прочесть книгу как увлекательную биографию из серии «Жизнь замечательных людей», написанную талантливым литератором. Между тем, такое отношение будет поверхностным, поскольку Фатеев погружает нас в глубины философских исканий Розанова, в противоречия русской интеллигенции рубежа XIX–XX столетий, от-

разившиеся самым непосредственным образом на судьбе России и самих носителей этих противоречий.

В биографию Розанова вплетены известные философы, писатели, художники, общественные деятели. Еще до переезда в Петербург, будучи провинциальным учителем, он написал труд «О понимании», который до сих пор воспринимают одни как унылый, не по-розановски спекулятивный труд, другие же — как событие своеобразного розановского письма. Во всяком случае, Розанова отчасти знали в столице, и в кружке «петербургских славянофилов» его сразу заметили и отметили как личность незаурядную. Фатеев приводит интереснейшие свидетельства той поры. Н.Н. Страхов в 1893 году писал Л.Н. Толстому: «Розанов во всех отношениях — звезда между ними»². Розанов быстро и сам почувствовал свое творческое превосходство перед кружком консерваторов, в котором довольно быстро разочаровался, поскольку «был бунтарем по духу, <...> явно не укладывался ни в рамки обычного консервативного охранительства, ни бесконтрольно-елейного благочестия, которое исповедовали члены «славянофильского кружка Филиппова»³.

Вхождение Розанова в среду петербургских консерваторов дало ему возможность вскоре быть направленным на редакционную работу в Москву. Его не очень приняли московские консерваторы, как и он их, но круг общения Розанова позволил ему быстро обрести собственное творческое лицо, критически отнестись к новому окружению, а в этом окружении оказались Л.А. Тихомиров, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, И.И. Фудель...

Фатеев мог бы осудить Розанова за измену консерватизму, но он поступает иначе — раскрывает истоки разочарования в адептах консерватизма, патриотизма, национализма, облеченных государственными должностями. «Тема бюрократии как нигилистической силы, разлагающей страну, все больше захватывала внимание Розанова»⁴. Уроки Розанова и в этой теме, в этих поисках, метят на столетие вперед, в начало века XXI-го.

Розанов видел угрозу монархии в бюрократии, в верховенстве чиновников. Фактически цензурный запрет его статьи на эту тему, стал поводом для аудиенции у обер-прокурора К.П. Победоносцева, к которому он еще в провинциальном своем бытии относился весьма уважительно. После беседы с государственным деятелем Розанов писал о нем с восхищением, как о мыслителе, сознающем зло всей Европы, погруженной в трясину бюрократии, эта беседа влила

²Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. С. 188.

³Там же. С. 185.

⁴Там же. С. 219.

в сердце Розанова жалость к государям, ибо они — «изгой истории»⁵. Совсем по-иному описал впечатления о той же встрече с Розановым Победоносцев — он увидел в нем жалкого, изможденного человека, написавшего «беспорядочный бред». В таких деталях предстает картина эпохи, автор книги дает возможность самому читателю сделать вывод о людях, событиях, оценках, мнениях.

Книга Фатеева рисует картину чудовищной разобщенности русских консерваторов, недоверия к искренности друг друга. Пожалуй, очевиднее всего это предстает в высказываниях И.Ф. Романова-Рцы. К. Леонтьев у него «опаснее самых злобных атеистов»⁶.

Розанов испытал все искусы интеллигенции начала XX века. При возрождении религиозно-философских собраний ему выпал жребий сделать доклад на первом, «пробном» заседании в апреле 1907 года. «Отчего падает христианство?» — вопрос его доклада оказался антихристианским. Председатель заседания, С.Н. Булгаков, был обескуражен: «Когда-то в гимназии Розанов учил его идеализму, теперь, наоборот, сам выступает с таких материалистических позиций, что впору ему, Булгакову, научить его идеализму и консерватизму»⁷. Христианство Розанов в те годы характеризовал как бездеятельную альтернативу науки революции. Порой он откровенно богохульствовал (с. 620).

Внес свою лепту Розанов и в обновленчество как отказу от монастыря, от монашества, желая приблизить Церковь к грешному миру, к оправданию телесных влечений. Аскетизм, казалось ему в тот период, враждебен жизни, культуре.

Хотя Бердяев всегда был далек от догматического православия, от апологетики христианства с церковных позиций, но он сумел возразить, казавшемуся многим убедительному, тезису Розанова «о смерти как главном идеале христианства: «Не от Христа пошла смерть в мире: Христос пришел спасти от смерти, а не мир умертвить»⁸.

Жизненный путь Розанова — это путь метаний, увлечений, соблазнов интеллигенции. Шараханья его головокружительны — от консерватизма со специфической религиозностью к погружению в вопросы пола, а вместе с этим и к отрицанию православия, к безбожию, а затем выныриванию из этого темного омута.

Революция не просто оправдывала террор, но героизировала его, убийство, причем, умышленное, тщательно подготовленное, становилось достоин-

⁵ Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. С. 235.

⁶ Там же. С. 160. Из письма И.Ф. Романова Розанову 29–30.09.1891.

⁷ Там же. С. 611.

⁸ Там же. С. 619.

ством. Терроризм изначально противопоставил себя христианству. Розанов увидел в терроризме «развитие идеи Авраамовой жертвы, метафизический корень террора»: психологической основой деятельности террористов является, по его мнению, потребность в жертве — «если этот не умрет, я не могу жить»⁹. «Розанов подмечает у революционеров «невыразимое томление без убийства». Несмотря на движущие ими, как они считают «идейные» мотивы, остается лишь неоспоримый факт совершения ими убийства: «Идеи проходят. Факты остаются»¹⁰.

В.А. Фатеев показывает, насколько одинок был в своих осуждениях «праведного» убийства Розанов в 1907–1910 годы, насколько не понят либеральной интеллигенцией. А ведь аргументы Розанова не услышаны были не только Мережковским и Гиппиус, они не услышаны были несколькими поколениями, которые с детства впитывали «красоту» расстрелов на экране «именем революции».

Фатеев не пытается обелить образ Розанова в качестве христианина, но Розанов являет собой путь освобождения от заблуждений, в которых другие, в том числе мыслители, застряли на десятилетия, возомнив, что культура вполне может обходиться без культа Бога, без высшего духовного измерения. Происходила атрофия «духовного зрения»¹¹.

Немало писали о юродстве Розанова, назвали его даже «юродствующим мракобесом». Фатеев подкрепляет цитатами правоту парадоксального юродства, где звучат то «я бездарен, да тема моя талантлива», то «я не великий писатель только, но и великий человек»¹². Фатееву удается доказательно раскрыть смысл «юродства» парадоксального мыслителя и писателя: «особенно неистовствует Розанов, в полном соответствии с «канонами» юродства, в обличении главного людского недостатка — тщеславия. Пафос писателя направлен против господствующих в обществе идей во имя высшей правды, да и, собственно, против всей современной интеллигентской культуры во имя вечных ценностей»¹³. Неприятие мещанства, «среднего европейца» роднит его с К.Н. Леонтьевым.

В 1890 году Розанов открыл для себя единомышленника Константина Николаевича Леонтьева, которому даже в личном письме чистосердечно сказал то, что более никому и ни о ком не говорил: «Вы великий человек, в самом простом, но и самом полном значении слова». Год переписки обнаружил удивительное

⁹Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. С. 672–673.

¹⁰Там же. С. 671.

¹¹Там же. С. 670.

¹²Там же. С. 739.

¹³Там же. С. 740.

совпадение в тот период их исканий, оценок, отрицательного отношения к бездушному прогрессу, к либерализму, к критиканству в литературе, к пошлости «среднего европейца». Леонтьев на все смотрел с позиций эстетики, красоты, считал, что «прогрессу мы должны, где можем, противиться, ибо он одинаково вредит и христианству, и эстетике»¹⁴.

В небольшой главе, посвященной К. Леонтьеву, Фатееву трудно было дать оценку обширному творческому наследию мыслителя, публициста, литературного критика, писателя, но, на мой взгляд, можно было расставить иные акценты в анализе эстетических и христианских мотивов его трудов. Жаль, если читатель, не вникавший в эволюцию мировоззрения Леонтьева, сохранит убеждение, что «в своих сочинениях он был весьма далек от подлинного православия».

Конечно, Леонтьев превыше всего ставил эстетические критерии — и в быту, и в отношении к людям, историческим событиям. К христианской вере его привели эстетика и страх Божий, но можно ли упрекнуть человека, завершившего жизненный путь пострижением в монахи, духовником которого был старец Амвросий? Не фарисея Савла мы помним, а апостола Павла; чтим, в том числе, его подвиг преодоления себя прошлого, себя богоборца. Жизненный поступок Леонтьева не станем уподоблять высокому свершению святого Павла, но поступок Леонтьева все-таки неординарен — от язычества, упоения распутством он пришел к старцам, а затем и к монашеству. Эстетическое отношение к миру способно приводить и к нищенской исключительности, и к вершинам христианства. Разве не эстетические мотивы звучали в устах тех, кто повествовал князю Владимиру о красоте византийского богослужения?

Для наших современников, отлученных идеологией безбожия, массовой культурой от православия, поучительна биография как раз такого человека как Леонтьев, прошедшего через искусы языческого сладострастия, но не растерявшего стремления к Божественному свету, открывшегося ему еще в детстве, подкрепленного, в том числе, и страхом Божиим в дни смертельной болезни. Вот его признательные заметки: «И когда уже мне было 40 лет, когда матери не было на свете, когда после целого ряда сильнейших душевных бурь я захотел сызнова учиться верить и попал на Афон к русским монахам, то от этих утренних молитв в красном кабинете с видом на засыпанный снегом сад и от этих слов псалма мне все светился какой-то и дальний, и коротко знакомый, любимый и теплый свет»¹⁵.

¹⁴См. переписку К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова в книге: *Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева*. СПб.: СПбГУ, 1991. С. 177.

¹⁵*Леонтьев К.Н. Мое обращение // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. СПб., 1913. С. 24–25.*

Пожалуй, продлись жизнь Леонтьева дольше, и сохранись отношения с ним Розанова на последующие годы, вряд ли погрузилось бы мировоззрение Розанова в пучину богохульства, слишком значимо для него было мнение Леонтьева, а встреча, о которой оба мечтали, встреча не просто мыслителя с мыслителем, а мыслителя с мыслителем-монахом, каковым был уже Леонтьев в 1891 году, могла избавить Розанова от духовных блужданий. Встреча их все же произошла на скитском погосте, в пространстве вечности, могилы их рядом.

В православии Розанова укрепила не книжная мудрость, а живые встречи, живое общение. Он сам отметил особо благодатные беседы в Троице-Сергии с П. Флоренским, тогда еще не священником, но преподавателем Духовной академии, «сущим иноком по внутреннему призванию», по его собственной оценке. С тех пор образ Флоренского становится для Розанова как бы одним из аргументов в пользу собственного понимания подлинного православия и Церкви¹⁶.

Образ Розанова последних дней его жизни воссоздает Фатеев на основе писем, воспоминаний, не допуская излишеств самооценки. Предсмертные слова особенно значимы для нас, еще способных что-то изменить в жизни. Вот аргумент одного из таких писем: «Нашим всем литераторам напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится, и что они должны больше и больше стараться как-нибудь предупредить этот холод, что это должно быть главной их заботой. Что ничего нет хуже разделения и злобы...»¹⁷ Это слова христианина, слова философа, испытавшего распад, разделение душ человеческих, и дорогой сердцу России. Потому обращается Розанов на пороге смерти и к будущим оппонентам, которые могли бы стать друзьями, и к Родине: «Обнимаю вас всех крепко и целую вместе с Россией дорогой, милой».

Не обходит Фатеев щекотливую проблему, которую иногда называют собственно розановской — проблему пола, в том числе «третьего пола».

Хотя культуру Розанов, как и Фрейд, истолковывал в ряде работ как «сублимацию» пола, «ни о каком прямом влиянии Фрейда на Розанова говорить не приходится»¹⁸, справедливо отмечает автор. Розанов явно богохульствовал в работах «Русская церковь», «Темный Лик», «Люди лунного света», «Метафизика христианства». Это духовное затмение длилось около десяти лет, до 1900 года, то есть все же богоборчество он преодолел в себе, в отличие от революционной и либеральной интеллигенции. Фатеев немногими цитатами, эмоцио-

¹⁶ Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. С. 630.

¹⁷ Там же. С. 995.

¹⁸ Фатеев В.А. Там же. С. 667.

нально убедительными, обозначает перелом в сознании мыслителя. Например, несколько слов из «Уединенного» говорят больше, чем десятки страниц: «Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле... Да чем была бы земля без церкви? Вдруг обесмыслилась бы и похолодела»¹⁹. И все же было это десятилетие, когда о проблеме «третьего пола» «едва ли не первым в России заговорил»²⁰ Розанов. И именно этот период творчества русского мыслителя поднимают на щит в наши дни, когда «назойливо зазвучала», по верному слову Фатеева, тема однополой любви, «бисексуалов» и т.д.

Все, что писал Розанов, талантливо, но даже его талант угасал, когда возникали измышления о связи аскетизма с «третьим полом», они оказывались «наименее убедительной стороной книги»²¹.

Исследовал В.А. Фатеев и еще один «христороцеский бунт» Розанова, стимулированный бедственным, голодным существованием мыслителя в после-революционный период. Он стал винить всех и вся, «он убегает от ужасов действительности на просторы своей роскошной восточной мечты»²². Взгляды Розанова радикально изменяются, он уходит из лагеря славянофилов, обращает гнев на богословов, монахов, и даже винит Христа за то, что произошло в России. При этом с болью пишет он об утрате царя, остается убежденным монархистом. Фатеев, как и при описании других периодов жизни, эмоциональных вспышек Розанова, указывает на их мимолетность, неглубокость. «Совершенно очевидно», — пишет он, словно желая поправить через столетие поспешное отречение Розанова от идеалов христианского, русского традиционализма, — «что революция произошла не потому, что славянофилы не правы, а потому, что они были слабы, недостаточно убедительны, что их идеи не получили должной поддержки в обществе»²³.

Через биографию одного мыслителя В.А. Фатеев сумел создать панораму духовных, интеллектуальных исканий эпохи, отзывающихся до сих пор в судьбах нашей страны, в противоречиях интеллигенции, в духовных соблазнах и прозрениях, выводящих из тупиков заблуждений.

¹⁹Розанов В.В. Листва. Цитаты по: Фатеев В.А. Там же. С. 663.

²⁰Фатеев В.А. Там же. С. 666.

²¹Там же. С. 668.

²²Там же. С. 966.

²³Там же. С. 969.

Источники и литература

1. *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: СПбГУ, 1991. С. 177.
2. *Леонтьев К.Н.* Мое обращение // *Леонтьев К.Н.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. СПб., 1913.
3. *Фатеев В.А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013.